

УДК 929:930.23:908

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-8-11

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО: У НЕВЕСТ ХРИСТОВЫХ

д-р биол. наук Д.О. ВИНОХОДОВ
(Санкт-Петербургская ассоциация белорусистов)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7508-5457>
e-mail: vinokhodov@list.ru

Комментируется краткий фрагмент из письма Яна Барщевского к Юлии Корсак. Выяснены обстоятельства его поездки в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь в 1843 г. Рассмотрена судьба полоцких базилианок, переведённых в возрождённую обитель. Установлена личность ещё одной знакомой Барщевского – Глицерии Шепелевич.

Ключевые слова: Ян Барщевский, биография, Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, базилианки.

«Но монашка, как кремь:
– Ныне, отче, постный день!
Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!
Ныне, отче, постный день!»

М.А. Донской

Введение. В письме Яна Барщевского к Юлии Корсак от 10 (22) сентября 1843 г. содержится малопонятный фрагмент, комментирование которого давно вызывает затруднения. Описывая своё пребывание в Беларуси летом 1843 г., Барщевский кратко замечает: «Выехал из Невеля в Полоцк 1 августа. [...] Поручение п. Глицерии исполнил лично, побывал в Спасе, отдал письмо, полчаса говорил с ними об их печальной судьбе и, пожелав им держаться до конца, вернулся в Полоцк» [1]. Профессор Хаустович полагает, что в этом фрагменте «речь идёт о монахах-базилианах Полоцкого Спасского монастыря, которых И. Семашко принуждал отречься от унии, а они мужественно держались все годы после Полоцкого Собора 1839 г.» [2]. Однако в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре не могло быть монахов, поскольку был он женским, а не мужским, и, следовательно, речь в письме могла идти лишь о монашках. Кроме того, Иосиф Семашко был архиепископом Литовским и Виленским, а потому полоцкие монастыри к его ведению не относились, а подчинялись непосредственно архиепископу Полоцкому и Витебскому Василию (Лужинскому).

Основная часть. Для того, чтобы разобраться, кому именно и от кого писатель передал письмо и о чём в нём могла идти речь, сперва рассмотрим предысторию этого эпизода.

Вскоре после воссоединения униатов с Православной Церковью было решено возродить основанный в 1125 г. преподобной благоверной княжной Евфросинией Полоцкой древний монастырь, который Стефан Баторий в 1582 г. отдал иезуитам. Указ об этом вышел в 1841 г. Первыми насельницами обители стали монахини униатского ордена Василия Великого, жившие до этого в кельях при Софийском соборе. Их настоятельница Иннокентия Кулешанка (это девичья форма фамилии Кулеша), 49-ти лет, происходила из богатого рода Кулеша, владевшего обширными имениями в Полоцком уезде. В монашестве она пребывала с юности и уже с 1820 г. возглавляла полоцких базилианок. С нею подвизались Гонората Крайская, 47-ми лет, Евфросиния Ждановская, 41-го года, и Екатерина Риттель, 36-ти лет [3]. Однако, «происходя от родителей латинского вероисповедания и при том же будучи подстрекаема родственниками своими римско-католическими» [4], настоятельница категорически отказывалась принять Православие. Её примеру следовали и остальные три монахини, также происходившие из римско-католических дворянских семейств. Следует отметить, что в этом смысле они не были исключением: из двадцати базилианок Белорусской епархии в Православие перешли лишь четверо – это были Клара Мартусевич, Маргарита Мартусевич из Витебского монастыря, а также Кунегунда (в православии – Клавдия) Щепановская и Пульхерия Преслякова¹ из Оршанского монастыря.

Стремясь каким-то образом повоздействовать на маленький сплочённый и упрямый коллектив, архиепископ Василий Лужинский решил «разбавить» его древлеправославными монахинями. Отстранив от руководства монастырём матушку Иннокентию, он пригласил из Спасо-Бородинского монастыря Можайского уезда, Московской губернии монахиню Евфросинию Дегтерёву. В Витебск она приехала 4 (16) ноября 1842 г., через три дня была назначена «исправлять должность местоблюстительницы» [5] Спасо-Евфросиниевского монастыря и прибыла в Полоцк 13 (25) ноября 1842 г. Заботясь о мире и согласии в монастыре, архиепископ писал полоцкому благочинному архимандриту Филарету Малишевскому: «Мне же сверх того остаётся просить Вас, чтобы Вы, возлюбленнейший, приняли со стороны своей все возможные меры к полезному согласованию воссоединённых и древлеправославных монахинь во взаимной любви и понимании друг друга, с отложением небольших предрасудков с той и с другой стороны» [5].

¹ В более поздних производных документах её, вероятно ошибочно, называют – Плескачевская.

Но мир не складывался. Матушка Евфросиния явилась в монастырь не одна, а со своею собственной командой, состоящей из монахини Паллади, рясофорной послушницы Мефодии и послушниц Мавры Алексеевой и Варвары Ивановой. Вскоре, 23 ноября 1842 г., в монастыре приняла постриг новая послушница Евфросиния Сербинович², 6 апреля 1843 г. из Оршанского девичьего монастыря были переведены монахини Филарета Твёрдая, Феофания Буковская и послушница Евдокия Буковская, а 16 апреля 1843 г. приняла постриг послушница Агния.

Документы свидетельствуют о том, что нрав у новой настоятельницы был суров. В апреле 1843 г. произошёл скандал, вышедший за пределы монастыря и вылившийся в разбирательство епархиального начальства. Архиепископ Василий написал архимандриту Филарету о дошедших до него сведениях, что Дегтерёва тяжко оскорбила недавно прибывших из Орши монахинь Филарету и Феофанию: «...во время трапезы [...] обошлась с ними самым грубым образом, обращая к ним обидные слова и говоря, что они не монахини, а послушницы и должны чистить нужные места, что не за что их кормить, и много прочих произнесла на них подобных же обидных выражений, в чём помогала ей, матушке Евфросинии, монахиня Палладия (?), прочие же послушницы хохотали» [6]. Лужинский предписал учинить по сему поводу дознание, принять над несправедливо обиженными монашками особое попечение, оградить их от неприятностей, настоятельница же делать частые и сильные вразумления о том, как следует обходиться с вверенными её попечению насельницами. В мае 1843 г. произошёл конфликт и с одной из упорствующих монахинь – Гоноратой Крайской. В чём заключалась суть дела – неизвестно, но Полоцкая духовная консистория заключила, что её «*пребывание в том монастыре и содержание напредь во многих отношениях [...] вредно*», и 18 (30) июня 1843 г. предписала немедленно «*выслать из оной обители монахиню Крайскую в Витебский Духовский монастырь [...], а за поведением сей Крайской в отношении религиозном к Православию и нравственном иметь особый надзор*» [7]. Таким образом, упорствующих базилианок в Полоцке осталось трое: Иннокентия Кулешанка, Евфросиния Ждановская и Екатерина Риттель.

В это же время, 16 (28) июня 1843 г., было заведено дело о капиталах монастыря [8]. В ходе разбирательства было выяснено, что прежняя настоятельница Иннокентия Кулешанка распоряжалась монастырской кассою, как своей свиньёй-копилкой: одалживала деньги и раздавала их под проценты помещикам из полоцкой округи. В частности, своему родственнику Казимиру Кулеше она передала 200 талеров. Характерно, что подобный случай имел место и в Витебском Свято-Духовом монастыре, бывшая настоятельница которого, Вальбурга Казимирская, также была смещена со своего поста и также находилась под следствием за растрату [9]. Удивительное совпадение: вскоре, после начала дознания, матушка Евфросиния Дегтерёва умерла, произошло это 21 июля (2 августа) 1843 г. [10]. Что послужило причиной смерти – не известно.

Впрочем, незадолго до её кончины, 9 (21) июля 1843 г. Синод принял решение направить в Спасо-Евфросиниевский монастырь новую настоятельницу – Клавдию Щепановскую [11]. Это была женщина уже преклонного возраста, 57-ми лет, «*хотя из воссоединённых и по происхождению католичка, но отличавшаяся совершенною преданностью православию*» [4], до нового назначения она 11 лет возглавляла Оршанский девичий монастырь.

Именно в этот период Спас посещает Ян Барщевский. Из Невеля он выехал 1 (13) августа 1843 г., а его визит к бывшим базилианкам состоялся либо 3 (15), либо 4 (16) августа 1843 г. Монахини в этот момент были на распутье: притеснявшей их суровой настоятельницы уже нет, но кого к ним пришлют, и какая их ожидает судьба – не известно. И, конечно же, поддержка нечастых гостей, как и письма друзей и родственников, были для них отрадой.

Теперь попробуем выяснить, кто такая пани Глицерия, передавшая с Яном Барщевским письмо полоцким базилианкам? Профессор Хаустович пишет о ней следующее: «*Глицерия – домашняя хозяйка Шепелевичей в Рудне*» [2]. К сожалению, никаких иных пояснений Николай Валентинович не даёт и ссылки на источник информации не приводит. Разобраться в этом вопросе нам позволяют списки монахинь-базилианок Белорусской епархии за 1835 и 1838 гг. В перечне насельниц Оршанского монастыря содержится имя Гликерии Шепелевич, причём напротив её имени сделана пометка: «*отпущена к родным в Невельский уезд*» [12]. Других сведений об этой женщине пока что не найдено, но, тем не менее, становится понятно, что это одна из близких старших родственников Гауденция Шепелевича и Юлии Корсак – скорее всего тётка со стороны отца.

Таким образом, всё встало на свои места: матушка Глицерия была одной из четырёх упорствующих инокинь Оршанского монастыря, не желавших присоединиться к Православию. По-видимому, вследствие твёрдости своего характера либо по возрасту и состоянию здоровья она была отпущена доживать свой век к родственникам в Рудню. Произошло это вскоре, после ликвидации унии, в период с 1839 по 1842 гг. Связей с сёстрами она не порвала и по-возможности старалась передавать им весточки. Весьма вероятно, что из Орши до неё дошло известие о назначении Клавдии Щепановской новой настоятельницей в Спас, о чём она и поспешила известить в своём письме полоцких монахинь, избрав голубем почты своей Яна Барщевского.

Нам осталось рассмотреть последствия этой истории.

Через месяц, 6 (18) сентября 1843 г., Клавдия Щепановская прибыла из Орши в Витебск. Десять дней спустя архиепископ Василий рукоположил её во игуменьи, после чего с благословением отправил в Полоцк [11]. Прибыв в Спасо-Евфросиниевский монастырь, новая настоятельница немедленно принялась за наведение порядка. Практически сразу же вся команда Евфросинии Дегтерёвой выразила желание покинуть Спас и вернуться назад, в Московскую губернию. Рапорты об этом были поданы 19 сентября (1 октября) 1843 г. [13]. Видать, оршанские сёстры быстро дали понять не в меру весёлым московским послушницам, кто теперь должен «чистить

² Сестра соученика Яна Барщевского по Полоцкой иезуитской академии Константина Степановича Сербиновича. Через 12 лет она станет игуменьей этого монастыря.

нужные места». А 12 (24) апреля 1844 г. из Орши прибыла ещё одна принявшая Православие бывшая базилианка Пульхерия Преслякова [14].

Троих упорствующих монахинь игуменья в своих отчётах характеризовала в целом положительно: об Иннокентии Кулешанке и Евфросинии Ждановской она писала «*добра и послушна, но ненадёжна*», а о Екатерине Риттель – «*к послушанию весьма способна, но ненадёжна*» [14]. Однако давление на них продолжалось; дошло до того, что они были низведены до положения послушниц: «*ненадёжные же воссоединённые монахини Иннокентия Кулешанка, Екатерина Риттель и Евфросиния Ждановская зачислены в разряд послушниц и жалование им выдаётся как послушницам с 1 мая 1844 года*» [15]. Но, не смотря даже на такие строгости, базилианки оставались непреклонны и тверды в своей вере. В 1847 г., видимо уже не зная, как повлиять на фанатичных стариц, архиепископ Василий отправил их «*для поправления здоровья на неопределённое время впредь до совершенного выздоровления*» по домам: «*Екатерина Риттель в город Витебск к родной ей сестре, Иннокентия Кулешанка к родному брату ея в Полоцкий уезд помещику Кулеша, Евфросиния Ждановская также в Полоцкий уезд к родному брату ея, проживающему в имении Дворищах Викентию Ждановскому*» [16].

Ко всей этой истории остаётся добавить лишь одну примечательную и характерную деталь. Известия об описанных событиях достигли цивилизованной Европы, но преобразились при этом самым причудливым образом – словно отражение в кривом зеркале. В 1845 г. польские политические антрепренёры привезли «до городу Парижу» некую невероятную женщину, называвшую себя настоятельницей минского базилианского монастыря Макриной Мечиславской, сбежавшей от великого и ужасного «архи-архи-архиерея»-отступника, патологического садиста Иосифа Семашко. Её водили по улицам разных городов напоказ, как мученицу. Всюду, где ни появлялась, она рассказывала, с отягчающими подробностями о том, как со всей Беларуси монахинь-базилианок пешком, в кандалах, согнали сперва в витебский, а затем в полоцкий монастырь. На всём пути следования злые москали подвергали их чудовищным пыткам, принуждая отречься от святой унии и принять богопротивную схизму. В Полоцке их с осени 1840 г. до весны 1843 г. истязали самым жутким образом, морили голодом и жаждой, приковали цепями к тачкам, заставили срыть какую-то Лысую гору, а на её месте построить для архиепископа трёхэтажный дворец. Однажды ночью во время оргии, устроенной Семашко, попы-схизматики, по его приказанию, ворвались в сарай, где ночевали несчастные старицы, надругались над ними, а тем, которые сопротивлялись, выкололи глаза.

Эти нелепые рассказы вызвали во Франции шок и гневное возмущение, доходившее до истерии. История Мечиславской была записана ректором Римского коллегіума Конгрегации пропаганды веры Максимилианом Рылло (выпускником Полоцкой иезуитской академии), опубликована на польском [17] и французском [18] языках и стала чрезвычайно популярной. Макрину перевезли в Рим, где её принял лично Григорий XVI, к ней навевались многочисленные деятели польской эмиграции, писатели пересказывали её историю в своих романах, а поэты посвящали ей возвышенные оды – женщина сделалась символом угнетаемой и страдающей Польши. Вскоре на многочисленные жертвования она основала свой собственный монастырь и зажила припеваючи. Впоследствии её едва не причислили к лику святых.

Лишь много лет спустя историки разобрались [19], что на самом деле это была мошенница и самозванка Ирена Виньч, вдова капитана русской армии. До сих пор не установлено, что за люди надоумили её выдать себя за мученицу, снабдили документами и средствами для дальнего путешествия – на этот счёт существуют лишь предположения. В частности, современники рассказывали, что она «*играла роль Макрины по просьбе общества*», а подготовили её в одном из виленских монастырей [19]. Любопытно также, что давним знакомством с Макриной хвастал граф Генрик Ржевуский [19; 20].

Так вот, всего в своём рассказе Мечиславская назвала имена шестидесяти новомучениц. Но из всех упомянутых ею фамилий лишь одна соответствовала реально существовавшей инокине – это была якобы погибшая при обрушении строящейся стены архиепископского дворца в Полоцке Кулеша (правда Мечиславская назвала её почему-то Женевьевой, а не Иннокентией) [17]. Почему так случилось? Наверняка сказать трудно. Однако, по всей видимости, это была единственная монахиня, которую Рылло помнил со времени своего пребывания в Полоцке. На самом же деле факты говорят о том, что Иннокентия Кулешанка, «*добровольно оставив монастырь, перешла на жительство к своим родственникам и умерла в латинстве. Она равно как и другие базилианки, не согласившиеся (впрочем весьма немногие фанатички) возвратиться к православию, до смерти пользовались от св. Синода денежным пособием, равняющимся годичному окладу жалования, положенного для монахинь перво-классного монастыря*» [4].

Заключение. Ранее мы подробно разбирали события смуты Униатской Церкви 1802 г., во время которой отец Яна Барщевского вместе со всем своим приходом предпринял попытку перехода в римо-католичество [21]. Рассмотренный в этот раз эпизод биографии писателя показывает, что конфессиональное противостояние на белорусских землях продолжало оказывать на него влияние, и несчастья духовно близких земляков он, несомненно, принимал близко к сердцу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barszczewski J. Письмо к Юлии Корсак. 10 сентября 1843 г. // Витебский областной краеведческий музей, КП 7324/27 П-I 78. – Л. 10б.
2. Баршчэўскі Я. Выбраныя творы. – Мінск, 1998. – С. 471.

3. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 130. – Л. 20–29, 39–40.
4. Говорский К. А. Жизнь преподобной княжны полоцкой Св. Евфросинии, с историческим описанием основанного ею Полоцкого девичьего, Спасопреображенского монастыря, с опровержением распространенного папистами мнения, будто бы она наравне с другими, древними, Св. угодниками Русской церкви была уннатка и с приложением изображения креста, устроенного ею для монастырской церкви. III. Полотский девичий Спасо-Евфросиньевский монастырь // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Год первый. – Т. IV. – Июнь. – С. 93.
5. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 42. – Л. 1 – 1об.
6. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 93. – Л. 1 – 1об.
7. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 110. – Л. 1-2.
8. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 25.
9. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 22. – Л. 4–5.
10. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 113. – Л. 7.
11. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 109.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 797. Оп. 87. Д. 30. – Л. 46, 46об., 53.
13. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 111.
14. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 130. – Л. 20–29.
15. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 169. – Л. 3.
16. РГИА. – Ф. 797. Оп. 17, Д. 40292. – Л. 1-2.
17. Ryłło M., Jelowicki A., Leitner A. Opowiadanie Makryny Mieczysławskiej xieni Bazyliank Mińskich o ich siedmioletniem prześladowaniu za wiarę. – Paryż, 1846. – 66 s.
18. Ryłło M., Jelowicki A., Leitner A. Récit de Makrena Mieczysławska abbesse des basiliennes de Minsk ou Histoire d'une persécution de sept ans soufferte pour la foi par elle et ses religieuses. – Paris, 1846. – 36 s.
19. Urban J. Makryna Mieczysławska w świetle prawdy. – Kraków, 1923. – 143 s.
20. Chotkowski W. Dzieje zniweczenia św Unji na Białorusi i Litwie w świetle pamiątek Siemaszki. – Kraków, 1898. – S. 133.
21. Виноходов Д.О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: Ян, отец Яна. // Асоба і час: Беларускі біяграфічны альманах. – Мінск, 2013. – Вып. 5. – С. 6–22.

Поступила 06.11.2022

STROKES TO JAN BARSZCZEWSKI'S BIOGRAPHY: VISITING BRIDES OF CHRIST

D. VINOKHODOV

(St. Petersburg Association of Belarusists)

The article comments the short fragment of Jan Barszczewski's list to Julia Korsak. The circumstances of his visit in Spaso-Euphrosyne momastery of Polotsk in 1843 are revealed. The fates of Basilian nuns of Polotsk in new convent are reviewed. The personality of Barszczewski's acquaintance Glyceria Szepielewicz is found out.

Keywords: *Jan Barszczewski, biography, Spaso-Euphrosyne momastery of Polotsk, Basilian nuns.*